

Максимова Ольга Михайловна

ОЧЕРК В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА С. САМСОНОВА

В статье рассматриваются особенности публицистики известного удмуртского прозаика С. Самсонова. Жанр очерка пережил в творчестве писателя период активного роста, углубления проблематики, обогащения художественно-изобразительных средств. Характерными чертами самсоновского очерка являются злободневная публицистичность, обращение к документу, образной детали, народной речи. Особое внимание уделяется роли русской публицистики периода "оттепели" в развитии удмуртского очерка на новом историческом этапе. Автор статьи оттеняет мысль о том, что специфика жанра очерка в творчестве С. Самсонова во многом обусловлена близостью автора к жизни народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 31-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бейли Д. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: Языки славянской культуры, 2004. 376 с.
2. Берков П. Н. К спорам о принципах чтения силлабических стихов XVII – начала XVIII в. // Теория стиха: сборник статей. Л.: Наука, 1968. С. 294-316.
3. Былинин В. К., Илюшин А. А. Начало русского виршеписания // Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989. С. 5-20.
4. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989. 480 с.
5. Гаспаров М. Л. Оппозиция стих – проза и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития: сборник статей. М.: Наука, 1985. С. 264-277.
6. Иванова М. В. Малоизученные явления древнерусского синтаксиса в Житии Стефана Пермского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 2. С. 14-19.
7. Калачева С. В. Эволюция русского стиха. М.: Издательство Московского университета, 1986. 262 с.
8. Мазель Л. А. О природе и средствах музыки. М.: Музыка, 1983. 72 с.
9. Макарова С. А. Русский стих и музыка. М.: Лексрус, 2015. 360 с.
10. Марков Н. В. Русский стих XVII века (материалы к характеристике развития) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития: сборник статей. М.: Наука, 1985. С. 244-263.
11. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
12. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 263 с.
13. Тарановский К. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
14. Федотов О. И. Основы русского стихосложения: теория и история русского стиха: в 2-х книгах. М.: Флинта; Наука, 2002. Кн. 1. 359 с.
15. Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 256 с.

THE RUSSIAN VERSIFICATION OF THE XVII CENTURY AND MUSIC

Makarova Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology

Moscow

svetlanamakarova658@gmail.com

The article examines the complicated processes of the Russian literary verse formation in the XVII century: differentiation of word and music, formation of versified poetry and its relation with free verse, adoption of baroque and propagation of syllabic versification system in Russia. The analysis of poetic material testifies not for mechanistic borrowing of baroque esthetics but for deeply national developmental specifics of the first international trend in Russia and the first literary system of versification. The paper concludes that differentiating itself from music syllabic poetry of the second half of the XVII century managed to preserve specific vocal-musical formant manifesting itself in recitative declamation of poetical text.

Key words and phrases: literary verse; versified poetry; free verse; baroque; syllabic versification system; tonic principles; syllabic verse; recitative declamation; musicality of verse; cant genre; verse and prose.

УДК 821.511.131

В статье рассматриваются особенности публицистики известного удмуртского прозаика С. Самсонова. Жанр очерка пережил в творчестве писателя период активного роста, углубления проблематики, обогащения художественно-образительных средств. Характерными чертами самсоновского очерка являются злободневная публицистичность, обращение к документу, образной детали, народной речи. Особое внимание уделяется роли русской публицистики периода «оттепели» в развитии удмуртского очерка на новом историческом этапе. Автор статьи оттеняет мысль о том, что специфика жанра очерка в творчестве С. Самсонова во многом обусловлена близостью автора к жизни народа.

Ключевые слова и фразы: удмуртская литература; публицистика; жанр; очерк; образ человека труда; творческая индивидуальность писателя; художественность; герой.

Максимова Ольга Михайловна

Удмуртский государственный университет

24otax@mail.ru

ОЧЕРК В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА С. САМСОНОВА

Переоценка художественных ценностей, начавшаяся со сменой всей парадигмы культуры в постсоветской России, наиболее «сильно отразилась на проблеме изучения творчества писателей национальных литератур, основной путь развития которых приходится на советский исторический период» [6, с. 14]. Удмуртский литературный процесс 1960 – 1980-х годов и первых перестроечных лет связан, прежде всего, с именем Семена Александровича Самсонова (1931-1993), творчество которого характеризуется особой приверженностью к разработке проблем современности. Многие его книги получили широкую известность в республике

и за ее пределами, определяли идейно-эстетические поиски национальной культуры на достаточно большом отрезке исторического времени. К сожалению, в последние годы в восприятии творчества этого большого и далеко не однозначного писателя новым поколением критиков обозначилась негативная оценка. На тенденцию «противоположения писателю человека», предвзятого подхода к закономерной противоречивости художественных идей зрелого С. Самсонова, в частности, в отражении автором современных конфликтов в романе-дилогии «Дыдыкѣс бус полы уг йпромо» («Голуби с пути не сбиваются», 1979), наши литературоведы уже обращали внимание [7, с. 84-110].

Известно, что творческая деятельность писателя обусловлена его эстетическими, этическими, философскими, политическими взглядами, его нравственной, идейной позицией. Творческая концепция С. Самсонова наиболее ярко выражается в очерковой прозе, потому и целостное осмысление литературного наследия С. Самсонова невозможно без изучения его публицистики. Из-под пера писателя вышло восемь разножанровых очерковых книг, раскрывающих его как глубокого и самобытного мыслителя. Досадно, что публицистика С. Самсонова, который вошел в историю национальной литературы как один из лучших очеркистов, до сих пор не стала объектом научного изучения, а его очерки, написанные в последний период творчества, практически все еще остаются не введенными в литературно-критический оборот.

Отличительные черты творческой индивидуальности С. Самсонова – колоссальный запас житейских наблюдений, зрелость мышления, умение анализировать актуальные явления современности, открывать в народной жизни ситуации и характеры, ускользающие от внимания других, искусный отбор конкретного материала. Все это и определило оригинальность содержания его очерков, их жанровых форм и изобразительных приемов.

Судьбы многих самсоновских героев кровно связаны с малой родиной писателя – Малопургинским районом Удмуртии. Прорывом в удмуртской художественной публицистике шестидесятых-семидесятых стал очерк С. Самсонова «Милям гуртмы Тыло» («Деревенька наша Тыло»). Удмуртская деревушка Тыло согласно известному плану сноса маленьких российских деревень была объявлена «неперспективной». С. Самсонову удалось разрушить план ликвидации родной деревни и доказать силу слова писателя. Очерк был опубликован в местных литературных изданиях, при поддержке С. Залыгина прозвучал по Всесоюзному радио (1979) и напечатался в Москве, вызвал большой общественный резонанс. В очерке «Деревенька наша Тыло» С. Самсонов формирует выстраданное российским трудовым народом понимание острейших проблем времени. В соответствии со всей системой художественных средств, используемых в очерке, писатель выделяет несколько важных эпизодов, воссоздающих историю деревни. Изучив статистические данные о том, что колхоз каждый год перевыполняет планы сдачи зерна, мяса, надоев молока и т.д., автор приводит убедительные, реальные факты о дееспособности «неперспективной» деревни. Особую обобщающую силу очерку придают сцены, воспроизводящие коллективную жизнь крестьян: создание колхоза, работа всем миром в военные и послевоенные годы, народные предания и легенды о родном крае. Усиливая социальную значимость литературного произведения, С. Самсонов одновременно пристальное внимание уделяет художественно-публицистической индивидуализации образа человека. Живо и убедительно нарисованы образы простых сельчан, выдержавших тяжелейшие исторические испытания и сумевших отстоять свои деревни от разорения: шофера молоковоза Бориса Возняка, шофера бензовоза Платона Панфилова, телятницы Клавдии Фоминой, доярки Ольги Петровой и др. Мудрый, обдуманый взгляд на мир с точки зрения героя-труженика определяет своеобразие очерка «Деревенька наша Тыло».

Раскрывая тему преобразования народной жизни, С. Самсонов обратился к художественному изучению проблем, связанных с подъемом крестьянского хозяйства, с внедрением в деревню механизмов промышленного производства. Специалисты замечают [4; 5; 9], что вслед за «Районными буднями» В. Овечкина в национальных литературах страны появились очерки, в которых нельзя не заметить плодотворное влияние достижений русской публицистики тех лет. Новым в самсоновской публицистике стало то, что писатель не стал по утвердившейся в литературе традиции противопоставлять молодого руководителя колхоза консерватору, но решил показать внутреннюю перестройку современника, обратился к художественному осмыслению процесса формирования новых профессий в удмуртской деревне, трансформации национальных обычаев, нравов. Выступая за индустриализацию села, С. Самсонов радел за извечные народные ценности. Особо примечателен в контексте сказанного герой очерка «Чук зардон» («Утренняя заря», 1983) Михаил Захарович Орлов, Герой Социалистического труда. В деревянном доме сельского труженика полки заполнены книгами Л. Н. Толстого, М. Шолохова, Ю. Рытхэу, М. Джалиля, Кузубая Герда и др. В последние годы своей жизни Михаил Захарович изучал Библию, читал мемуары М. Калашникова, занимался пчелами, вел подворное хозяйство. В сегодняшних выступлениях критиков высказывается недоверие к значительности и возможностям характеров такого плана героев самсоновских очерков, но это не вымысел писателя, не продукт его творческой фантазии.

Собравшись по перу вспоминают [2], что писатель искал литературного героя в гуще народной жизни, воплощающего в себе ведущие приметы социальной среды и вместе с тем отличающегося своеобразием внутреннего мира, оригинальностью мысли. Высказывания М. Храпченко о том, что творческая индивидуальность писателя – «это личность художника слова в ее отношении к эстетическим запросам общества, в ее внутренней обращенности к читательской аудитории...» [8, с. 88], вполне применимы к стилю работы и творческой манере С. Самсонова.

Идейно-эстетический аспект проблемы творческой концепции писателя наглядно выражается в портретных очерках С. Самсонова, которые можно отнести к «точно адресованному» жанру очерка. Следует отметить,

что в удмуртской литературе семидесятых наибольшее распространение получил «безадресный» тип очерка о современности. Обращаясь к той или иной хозяйственной или общественной проблематике, наши писатели чаще творили «беллетризованную» публицистику. Показательными примерами портретных очерков С. Самсонова, обращенных к судьбам руководителей села, являются произведения, вошедшие в книги «Льомпу сяськая» («Цветет черемуха», 1961), «Тау тыныд, адями!» («Спасибо тебе, человек!», 1963), «Чук зардон» («Утренняя заря», 1983) и др. Это очерки «Сюрестэ ке уд ыштиськы» («Если не сбиваешься с дороги»), «Ныль пумиськонъес» («Четыре встречи»), «Адями но музъем» («Человек и земля») и др. Через образы ведущих героев писателю удалось показать, как бюрократизм, подмена сельских руководителей городскими уполномоченными, приписки, работа ради выполнения формальных показателей и т.д. мешают поднять темпы колхозного производства. По мысли публициста, одним из самых мощных факторов, способствовавших восстановлению за короткое время народного хозяйства после военной разрухи, явился народный энтузиазм. В основе деревенской жизни – народная сплоченность, которую нельзя разрушать.

С. Самсонову наряду с документальной строгостью изображения присуща героическо-романтическая трактовка образа человека труда, поэтизация его нравственной и физической силы, он часто изображает своих современников в драматические моменты их жизни. Обобщенность формы, лаконизм деталей, яркие зарисовки – типично самсоновские средства художественной выразительности наполнили серьезным содержанием образ председателя колхоза «Гигант» Кизнерского района Удмуртии Анастасии Ильиничной Щербаковой, героини очерка «Казанка шур дурын» («На берегу реки Казанки»). Писатель выделяет несколько эпизодов, деталей, свидетельствующих о крестьянской основательности человека, его качествах, заботах. Это натруженные женские руки, которые, кажется, все умеют делать, и открытый взгляд, в котором одновременно застыли беспокойство, внимательность, тревога. Женщины-современницы – излюбленные образы С. Самсонова, он восхищается их естественностью, самостоятельностью, трудолюбием. Изображая своих героинь в работе, писатель всегда подмечает неяркую, но удивительно обаятельную красоту их жестов, фигуры, лица, обращает особое внимание на отношение к людям, семье, природе, окружающему миру.

С. Самсонов, очень много писавший о людях, занятых крестьянским трудом, в последние годы жизни «перемещается» в сторону художественного воспроизведения образов людей, занятых интеллектуальным трудом. Он создал целую галерею портретных очерков-воспоминаний, воспроизводящих образы удмуртских писателей, журналистов, деятелей науки, искусства, с которыми ему довелось работать, делить тяготы и радости творческого труда. Можно говорить о том, что С. Самсонов представил нам собирательный образ национальной интеллигенции двадцатого века. Галерея самсоновских литературных портретов поражает современного читателя не только богатством наблюдений, но и глубиной раскрытия характера человека творчества. Таковы очерковые портреты писателей И. Гаврилова, А. Клабукова, М. Лямина, Г. Красильникова, Р. Валишина и др., сначала напечатанные на страницах различных республиканских газет и журналов, но впоследствии собранные автором в единый цикл и опубликованные в книге «Гожтисько тыныд – сопал дуннее» («Пишу тебе – в мир иной», 1993).

Заметным явлением в удмуртской литературе начала 1990-х годов стали очерки С. Самсонова «Адямилы но бурдьёс кулэ» («Человеку тоже нужны крылья») и «Гурезез жужыг, ошмесэз кезыг» («Гора высока, родник ее холоден»), вошедшие в книгу «Адямилы но бурдьёс кулэ» (1991). Герой первого очерка – известный ученый-физиолог В. В. Парин, второго – основоположник советской космической медицины П. К. Ощепков, оба – уроженцы Удмуртии. Новые возможности перед удмуртской публицистикой девяностых открыл очерк «Альпайн горд тыпыос. Швейцар блокнотысь» («Красные дубы Альпы. Из швейцарского блокнота»), посвященный земляку писателя, участнику Парижской коммуны М. П. Сажину. В названных произведениях С. Самсонов выступает как писатель интеллектуально-аналитического склада мышления, активно использует монологическую форму повествования, диалог автора и героя, диалог с воображаемым собеседником, обращается к таким грамматическим формам, как прямая речь и диалогическая речь, «живые голоса живых людей» [1, с. 111-112]. Прославленные современники С. Самсонова ведут напряженный самоанализ, находятся в непростом процессе постижения истины, в особенности в сценах, посвященных осмыслению истории страны.

Очерки С. Самсонова – это художественные свидетельства о жизни и духовных деяниях лучших представителей народа. Самсоновская публицистика, созданная по «канонам соцреализма», продолжает жить в читательской среде XXI века, приобретая с годами все более глубокий ценностный смысл, свободный от идеологии.

Список литературы

1. **Беневоленская Т. А.** Портрет современника: Очерк в газете. М.: Мысль, 1983. 134 с.
2. **Воспоминания о Семене Самсонове: Статьи, воспоминания, письма** / сост. Л. Емельянов. Ижевск: Удмуртия, 2000. 224 с.
3. **Громов Е. С.** Мироззрение, мастерство, поиск в творчестве художника. М.: Советский художник, 1965. 200 с.
4. **Гузанова Е. В.** Эволюция жанра очерка в мордовской литературе: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2013. 196 с.
5. **Журбина Е. И.** Теория и практика художественно-публицистических жанров: Очерк. Фельетон. М.: Мысль, 1969. 399 с.
6. **Зайцева Т. И.** Современная удмуртская проза (1980 – 2000-е гг.): научное издание. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 174 с.
7. **Зайцева Т. И.** Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 376 с.
8. **Храпченко М. Б.** Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. 4-е изд-е. М.: Художественная литература, 1977. 446 с.
9. **Ядарова И. А.** Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900 – 1930-е гг.): монография. Йошкар-Ола, 2008. 143 с.

THE ESSAY IN CREATIVE WORK OF THE UDMURT PROSE WRITER S. SAMSONOV

Maksimova Ol'ga Mikhailovna

Udmurt State University

24omax@mail.ru

The article examines the peculiarities of publicist works by the famous Udmurt prose writer S. Samsonov. Essay genre in writer's creative work has undergone the period of active growth, broadening the range of problems, enriching artistic figurative means. Samsonov's essay is characterized by topicality, publicistic nature, appeal to a document, figurative detail, and folk speech. The special attention is paid to the role of Russian publicistics of "thaw" period in the Udmurt essay development in the new historical epoch. The paper argues that essay genre specificity in Samsonov's creative work is in many ways conditioned by author's affinity to common people.

Key words and phrases: Udmurt literature; publicistics; genre; essay; workman's image; writer's creative individuality; artistry; personage.

УДК 821.512.145:161

В статье прослеживается эволюция и особенности художественного и мировоззренческого восприятия турецкого текста различных суфийских течений придворной (диванной) литературы Средневековья выдающимся татарским поэтом Габдуллой Тукаем (1886-1913), а также предлагается краткий анализ литературного процесса эпохи Танзимата (Реформации) и периодов правления «душителю свободы» султана Абдулхамидом и младотурецкого движения Нового времени.

Ключевые слова и фразы: османская литература; Дж. Руми; Н. Кемаль; А. Джевдет; Г. Тукай; интертекст; эпоха Танзимата; тасаввуф.

Мубаракшина Алия Раифовна

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

aliya-891163@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТУРЕЦКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Творчество Габдуллы Тукая, ушедшего из жизни очень молодым – в 27 лет, – явление уникальное, вошедшее в себя литературные традиции мусульманского Востока и европейского Запада. Он начал свой творческий путь в 1902 году с перевода стихотворения известного русского поэта А. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?». Симптоматично и то, что в 1902-1903 годах будущий поэт проявлял огромный интерес к турецкой средневековой классической диванной литературе, произведениям суфийских поэтов пантеистов, последователей великого представителя Восточного Ренессанса Джалаледдина Руми (1207-1273). Особенно ярко это проявилось в стихах Тукая начального периода творчества в интертекстуальном переосмыслении образов земных красавиц, символизирующих Аллаха и иступленно пляшущих по кругу дервишей, как бы стремящихся раствориться в божественном начале [4, б. 7-11; 11, б. 230]. Аллюзии, реминисценции, перенятые из пантеистической лирики суфийского ордена «Мауляна» Дж. Руми и его учеников легко можно обнаружить в стихотворениях «После расставания», «О, эта любовь», «Я ль не горемычный?», «Неужели так и сгину», «Надпись на могильном камне» (все – 1906). Однако наличие в них интертекстов не говорит о том, что татарский поэт остался верным художественно-этическим принципам турецких суфийских авторов. Как верно заметил известный татарский литературовед Дж. Валиди, тукаевский дискурс совершенно иной: следуя восточной традиции назира, он заменил «суфизм» турецких авторов на «антисуфизм», сохранив при этом метрику, отдельные особенности стиля, образной системы стихотворений. По утверждению доктора филологических наук И. Б. Башировой, Тукай совершил капитальную трансформацию и в выборе поэтического языка – заменил османское наречие старым литературным языком татар [8, б. 13].

Представляет интерес и тот факт, что у Тукая имеется стихотворение с трудно узнаваемой татарским читателем аллюзией на биографию Дж. Руми. Это образ Шамса Тебризи – солнце из Тебриза, духовного наставника Дж. Руми, ведущего его по божественному пути суфийского тариката, с которым тот проводил много времени, изучая теорию и практику тасаввуф. Учащиеся медресе, соскучившиеся по занятиям любимого преподавателя Дж. Руми, приревновали его к Шамсу Тебризи, убили того, бросив в колодезь. Потрясенный гибелью своего учителя, Дж. Руми отказался от должности мударриса, посвятив себя поэзии и служению суфийскому тарикату, и начал подписывать свои произведения именем наставника «Шамса Тебризи». В качестве аллюзии этот эпитет заимствовал у Дж. Руми и Габдулла Тукай. Наподобие персидско-турецкого поэта, он начал сравнивать и величать образом солнца гения русской литературы А. С. Пушкина. В стихотворении «Пушкину» (1906) Тукай утверждает, что поэзия русского поэта – это великая воодушевляющая сила на его